

ПЕРШЕ ПОБИТТЯ ДЕМОКРАТИВ?

Переді мною пожовклі від часу сторінки, написані дрібним нервовим почерком. Це протоколи допитів людей, які були учасниками жовтневих подій 1905 року. Їх проводили слідчі Ніжинського окресту. Кого тут тільки немає: починаючи від заступника ніжинського поліцейського Тарасевича і закінчуючи авдіївськими селянами, які брали участь в погромі «жидів і демократів», думаючи, що тим самим вони рятують «царя і отечество». Академік М. Н. Петровський назвав жовтневі події 1905 року одним з найпотворніших погромів, які були під час революції 1905 року на Чернігівщині. Найбільш цікавими для нас є показання слідчому студента Ніжинського історико-філологічного інституту Сергія Андрійовича Остроградського, якому довелося бачити на власні очі гнів «царелюбного» народу.

Як відомо, жовтневий погром у Ніжині організували чорносотенці, тобто члени горезвісного «Союзу руського народу». Справа в тому, що в Ніжині чорносотенців очолював не розгнуданий громило, не зловісний піп-мракобіс, а видатний науковець, професор історико-філологічного інституту М. І. Лілеєв, який одночасно займав посаду міського голови. Коли відомий демократичний діяч Чернігівщини І. Л. Шраг назвав Лілеєва одним з головних натхненників погрому, шановний професор (йому було 57 років) навіть викликав І. Л. Шрага на дуель. Мало того, він вирішив реабілітувати погромників перед всеросійською громадськістю, написавши досить талановиту статтю «Нежинская революция и контрреволюция», яка була надрукована в журналі «Исторический Вестник» № 6 за 1906 рік, де зображує п'яних громил прямо-таки героями, а демократів малює лише чорними фарбами. І якщо погром відбувся, то винні в ньому насамперед демократи, які паплюжили святі почуття народу. Але почитаємо самого пана професора. «На другой же день после своей революционной вакханалии они встретили упорное сопротивление со стороны того самого народа, на благо которого они якобы действовали, видимо не рассчитав, или вовсе не обратив внимание, что народ у нас на Руси уж очень строг и тверд в своих верованиях и убеждениях и заморских затей терпеть не может».

Показання студента історико-філологічного інституту С. А. Остроградського проливають світло на те, хто був справжнім винуватцем цих зловісних подій, малюють справжнє обличчя цих захисників «святої Русі», яких навіть монархіст, також професор історико-філологічного інституту М. М. Бережков у своїх щоденниках називає прямо мерзотниками. Вони подають нам такі далекі від нас події першої народної революції в Ніжині правдивим словом архівного документа.

В. СИМОНЕНКО,

старший науковий співробітник філіалу облдержархіву в м. Ніжині.

ПОКАЗАНИЯ СТУДЕНТА НЕЖИНСКОГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА С. А. ОСТРОГРАДСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЮ НЕЖИНСКОГО ОКРУСДА ОТ 9 ФЕВРАЛЯ 1906 ГОДА.

18 октября 1905 года в г. Нежине был получен высочайший Манифест 17 октября, а потому на дворе института собралась огромная толпа народа приблизительно в несколько сот человек, среди которых было много интеллигенции и женщин, и так возникла потребность выяснить себе содержание Манифеста и вытекающих из него последствий, то возле института возник митинг. Кому именно принадлежала инициатива устройства митинга, не могу сказать. В той толпе было несколько человек студентов нашего института. Распорядительство и руководительство взяли на себя на том митинге студенты нашего института. Первым выступил Шереметов. Когда я с публикой подошел туда (я шел из города), то он уже стоял на столе среди народа и держал речь. Я слушал, как он призывал их потолковать, обсудить Манифест. Был ли он избран публикой, или же он сам выступил без всякого избрания, а публика только молчаливо подчинилась этому и признала факт — не знаю. У Шереметова был лист, куда записывались желающие выступить. После Шереметова говорил я. В своей речи касался главным образом женского вопроса в связи с Манифестом 17 октября для внутренней жизни и дальнейшей исторической судьбы России, сравнивал, самодержавный строй государства с конституционным и т. д. Но все речи были самого мирного свойства, ни призывов к насилию и анархии не было, существующий строй не порицался, а только все ораторы восхищались Манифестом и рисовали картины светлого будущего. Программы митинга никакой не было, каждый говорил, что хотелось, только соблюдалась очередь по списку. Единственное решение вынесенное — собраться на другой день в 11 часов утра. Тогда же на митинге были избраны четыре человека, профессор Писковский, студент Бочкарев и двое рабочих (имен и фамилий их не знаю) и эта депутация отправилась к Прокурору Нежинского окружного суда просить его немедленно освободить политических арестантов. Хотя я и не ходил с той депутацией, но знаю только, что никто ни от Прокурора, ни от суда не требовал прекращения отправления правосудия. В другие присутственные места и учреждения никто из лиц участвующих на митинге не ходил и закрытия их не требовал. Прекратить торговлю на базаре тоже никто не требовал. Муж-

ская и женская гимназии и суд были закрыты еще раньше до возникновения у нас митинга около института. Ходили ли 19 октября по базару и кто ходил и требовал ли закрытия лавок или нет я не знаю. Я в этом не участвовал. О том, что 18 октября в камере Прокурора суда был разорван портрет Государя императора я узнал только 20 или 21 октября, и это до меня дошло только по слухам. И как это происходило, и кто именно разорвал портрет государя императора — я не знаю. Что именно произошло 19 октября возле лавки Литвиненко, а также, где именно, какими лицами, из-за чего и при каких обстоятельствах в г. Нежине начались беспорядки перешедшие в еврейский погром — я объяснить подробно не могу, ибо все это происходило без меня. Но в городе ходили также слухи, дошедшие и до меня, что явилась какая-то депутация требовать, чтобы купцы отпустили приказчиков своих, и когда эта депутация (из кого она состояла не знаю) явилась в лавку к Литвиненко и обратилась к нему с таким требованием, то он отказался это сделать и выстрелил в воздух, после чего и начался погром, так как лавочник Литвиненко выстрелил на базаре.

20 октября между 12—13 часом дня я ехал на извозчике по Московской улице и был в студенческой форме. Толпа крестьян из ближайших к Нежину деревень остановила моего извозчика и стала требовать у меня оружия. Я заявил, что у меня нет никакого оружия (и действительно, кроме перочинного ножика у меня ничего не было). Явился городской, который по требованию толпы обыскал меня, обыскал все мои карманы и сказал толпе, что кроме перочинного ножа у меня действительно нет никакого оружия. Несмотря на это толпа крестьян не хотела отпустить ни меня, ни извозчика. Но вскоре на это место подоспели 10 казаков, которые разогнали толпу, освободили меня и извозчика. За исключением того только, что меня и извозчика не пускали двинуться с места, никто из толпы никакого насилия по отношению к нам не проявлял и побоев нам никаких не наносил. Крестьяне те были мне совершенно неизвестны, но мою фамилию они почему-то знали. Кричали, называя меня по фамилии, они ругали всех студентов, называя их бунтовщиками. Больше никаких насилий по отношению ко мне не было.

21 октября около 4 часов, когда вышел из дома на улицу (я был тогда одетый не в студенческую форму, а в новый полушубок и в шапке) и как только вышел, то увидел, что тут процессия: несут иконы и несколько портретов государя императора. Я шел в некотором отдалении от той процессии. Вдруг ко мне подходят какие-то два неизвестных мне крестьянина и одна женщина-крестьянка. Эта женщина, указывая на меня, закричала: «Это тоже демократ, я его знаю». Тогда те два крестьянина схватили меня, стащили с меня полушубок, сняли шапку (меховую) и когда увидели, что на мне надета студенческая тужурка, то они прежде всего потребовали, чтобы я перекрестился в доказательство, что я не еврей. Я перекрестился. Несмотря на это, они потащили меня вглубь процессии, которая остановилась, и силою заставили меня стать на колени и потребовали, чтобы я перед портретом государя императора поклялся, что я верую в Бога и почитаю царя, что мною также было исполнено. Особенно тяжело становиться на колени, потому что тогда было очень грязно. Тогда все это проделано только надо мной, но говорят, что раньше тоже самое совершалось. Толпа также требовала каяться от многих других студентов, преподавателей, интеллигенции. Но я этого не видел. Толпа кроме того дала мне в руки нести не то портрет государя императора, не то икону небольшого размера (я хорошо не рассмотрел), поставили меня во главе процессии и заставили идти к институту и там потребовали, чтобы с ними говорил толпе. Убеждал их не прибегать к насилию и уверял, что между студентами никаких бунтовщиков нет, что все студенты — люди верующие и верноподданные нашего государя.

Несмотря на это, толпа меня не отпустила и требовала у меня какого-то списка демократов, сто человек, как они уверяли. Узнав, что демократами они называют тех ораторов, которые говорили на митинге 18 октября около института, я тогда же карандашом на кусочке бумаги написал список тех лиц, которых вспомнил, что они тогда говорили, и тогда они разошлись. 21 октября к директору нашего института явилась депутация из крестьян с требованием, чтобы на следующий день 22 октября утром наш институт во всем составе явился в собор, все студенты и профессоры приняли присягу в том, что никто из них ничего против царя не замышляет и никакого бунта производить не будет. И тогда они, крестьяне и мещане, прекратят всякие погромы и никакого насилия по отношению к студентам не проявят и допустят их свободно ходить по городу.

Утром 22 октября все студенты и профессора пришли в собор и там после молебна — нас всех привели к присяге в присутствии нежинских представителей от толпы. Когда после молебна и присяги мы двинулись из собора, чтобы идти в институт, толпа закрыла двери церковной ограды и не хотела никого из нас выпускать. Толпа состояла исключительно из крестьян и мещан, в толпе было много женщин. Толпа снова стала требовать списки демократов. Директор института заявил им, что никаких списков такого рода у студентов нет. Мы стали просить полицмейстера Басанько удалить толпу и дать нам возможность добраться до института. Ба-

саныко заявил, что он ничего не может сделать с толпой, что толпа так настроена враждебно, что если мы выйдем из церкви против их желания, то он ни за что не ручается и что нам лучше всего ожидать в церкви. Я взял в руки образ и, указывая на него, его именем стал просить меня выпустить. Толпа согласилась, и я с образом в руках пошел в институт и следом за мной и остальные студенты и профессора. Когда мы подошли к институту, толпа попросила меня три раза обойти кругом института с иконою в руках, а вся толпа шла за мной. Когда мы три раза обошли институт, снова попросили, чтобы я держал речь. И я, стоя на возвышении, обратился к народу и начал говорить на религиозную тему о том, что Матерь Божия всегда спасала Россию и нет сомнения и на этот раз спасет. Когда я все это говорил, толпа видимо стала успокаиваться. Вдруг какой-то провокатор крикнул: «Не слушайте его, он все врет, он жид!». Толпа заволновалась, многие стали кричать, что я бунтовщик, что меня надо растерзать, снова стали бросать в меня камнями, затем стащили меня с возвышения, сорвали шапку и кто-то ударил меня кулаком. Мне предложили на выбор или быть растерзанным или повешенным. Я заявил, что предпочитаю последнее. Тогда меня схватили, потащили к собору, дорогою толпа хватала и других студентов, присоединяя ко мне. Так что когда мы пришли к собору, то захваченных и присужденных толпой к повешению было человек 15. Туда в собор пришел прокурор, и это нас спасло, и в то же время чувствовалось, что он не в состоянии справиться с толпой и заставить ее изменить свое намерение, он потребовал солдат, которые окружили нас, как конвой, и повели нас в институт; толпа разошлась, и мы вздохнули свободнее. В ту же ночь все профессора и студенты разъехались в разные стороны т. е. с ночи 22 на 23 октября я в Нежине не был. 20 октября тогда распространяли слухи, что черная сотня идет бить нас, то я был в числе депутатов из двух профессоров и двух студентов. Как депутаты, мы направились к командиру бригады генералу Арбузову с просьбой защитить нас. И генерал заявил нам, что все меры к охране института будут приняты и приехало в институт десятков солдат, что объясняется тем, что в Нежине солдат было всего человек 300 и их пришлось [развести] небольшими кучками по разным частям города для предупреждения проявления беспорядков. Относительно деятельности полиции я должен сказать, что она полностью отсутствовала и если не помогала хулиганам, то и не принимала никаких мер к тому, чтобы остановить буйство толпы. Что касается лиц, производивших безчинства и погромы, что никого из них я назвать по имени и фамилии не могу — все это люди были мне неизвестны. Одно лишь могу сказать, что все это были мещане и крестьяне.

Сергей Андреевич Остроградский».

(Ніжинська філія ДАЧО. — Ф. — 71. — Оп. 9. — Спр. 977. — Л. 571—576).